

...Когда впереди забрезжил тусклый свет позднего вечера, Лира подавила желание броситься наружу бегом.

Труба выходила к озеру грязной воды посреди бескрайней свалки. Горы мусора высотой в многоэтажный дом, штабеля старых автомобилей и даже флаеров, руины каких-то древних построек, глядящие на мир пустыми глазницами выбитых в незапамятные времена окон и витрин.

Где-то далеко за нагромождениями мусора высились пронзающие ночное небо белые иглы Шпилей. Озарённые светом, словно врата в другой, благополучный мир, чуждый тьме.

— Добро пожаловать, — сказал Джерри.

— Вы тут живёте? — спросила единорожка, потянув носом. Как ни странно, свалка вовсе не пахла разложением. Металл и пластик, пыль и строительный мусор, каучук и гарь, но без тошнотворного запаха разлагающейся органики.

— Мы живём где хотим, — ответил Джерри, — а старые свалки — идеальное место, чтобы тебя не нашли. Много металла и, соответственно, помех для сканеров. Всё что могло сгнить, сгнило и сгорело в незапамятные времена, а из хлама можно при желании построить настоящее жильё.

— У нас такое есть, — добавила Скуталу.

Дом этой парочки представлял собой... дом. На колёсах. Вернее, раньше там были колёса, а теперь только проржавевшие оси. Выбитые стёкла были заделаны листами пластика, а место вокруг — любовно расчищено от мусора. На крыше вагончика стояла большая ёмкость для сбора дождевой воды, а рядом — небольшая будка с совсем уж миниатюрной дверью, очевидно, рассчитанной только на Джерри.

— Дом, милый дом, — улыбнулся мыш, когда Скуталу распахнула дверь в бывший прицеп.

Внимание Лире привлекло движение на одной из гор мусора. Из обломков вылез фиолетовый шар и, повиснув в воздухе, довольно чем-то зачавкал.

— Коффи... Коффи-Коффи-Коффи... — донеслось бормотание.

— Джерри, Скут, кто это? — спросила единорожка, показав копытом на странное создание.

Мыш оглянулся и сказал:

— А, это Коффи. Он тут много лет живёт. Не бойся, он безобиден.

— Позовём его на ужин? — спросила единорожка, — Раз это ваш сосед...

— Бессмысленно, — отозвался Джерри, — он не понимает ничего. И говорить почти не может. Только бормочет своё имя и что-то постоянно ищет. Ты заходи, не стой.

Единорожка ещё раз оглянулась на парящий в воздухе шар. Тот, прожевав добычу, снова спустился к мусору и начал в него зарываться.

Лира мысленно пожала плечами и пошла вслед за Джерри и Скуталу, уже скрывшимися в доме.

Внутри было уютно. Даже несмотря на то, что вся обстановка была собрана из обломков и мусора, являя собой яркий образчик какого-то бродяжьего стиля, она не была лишена своеобразного очарования.

Джерри ловко соскочил с пегасенки и запрыгал по мебели. Кто-нибудь сказал бы «прямо как в мультике». Щёлкнул старинный выключатель, и под потолком зажёгся диод, заливший комнату бледным светом. Загудело электричество в старых проводах, и дом, казалось, начал оживать.

Загрохотали вытолкнутые на середину тазы, большой и маленький. Зажурчала вода, через шланг полившаяся в большой, причём Джерри успел туда плеснуть чего-то густого, в результате чего стала набухать белая шапка пушистой пены. Носа коснулся запах цветов и мыла.

— Скут, полезай в ванну, — приказным тоном велел мыш.

Маленькая пони переступила на месте и, покосившись на Лиру, протянула:

— Неохота. Давай завтра, я спать хочу...

Джерри провёл рукой по лицу.

— Ох, каждый раз это пытка... Ты уже реши, что для тебя «менее круто», быть грязной или мыться. Вспомни, в чём ты плавала сегодня.

Лира улыбнулась. Жеребята не меняются. Может быть другим весь мир вокруг, но рыжая хулиганка так и не полюбит водные процедуры. Пока не повзрослеет, наверное.

— Давай я помогу, — сказала единорожка, за что удостоилась сердитого взгляда двух фиолетовых глаз.

«Изменница!» — читалось в них.

Джерри вздохнул. Единорожке показалось, что с облегчением.

— Давай, — согласился он, — а то я устал уже воевать каждый раз... А я пока постираю одежду. Заодно сам отмоюсь. Всё-таки мелким быть удобно.

Скуталу, пятясь, выпалила скороговоркой:

— Спасибо, я уже чувствую себя значительно чище!

Лира и Джерри одновременно посмотрели на неё и сказали хором:

— Полезай в бадью!

— Нет! — воскликнула Скуталу и резко развернулась к двери, определённо готовясь дать дёру.

Лира бросила на Джерри быстрый взгляд, и мыш кивнул.

Скуталу успела только тихо пискнуть, когда её охватило телекинетическое поле и подняло ввысь. Копытца замолотили воздух, а крылышки захлопали в тщетных попытках вырваться.

Лира, посмеиваясь, снова представила призрачные руки, которые начали аккуратно, но настойчиво раздевать рыжую пегасенку.

Улыбка единорожки моментально увяла, когда она увидела, что рыжую шкурку на спине и крупе пересекают шрамы. Почти как у той жутковатой Рейнбоу Дэш из «Пони-Плея», только поменьше. Висящая в воздухе Скуталу пыталась прикрываться крыльями и хвостом, но без особого успеха. В глазах малышки стояли злые слёзы.

Веселье по поводу жеребьих капризов сменилось горьким пониманием причины для нежелания раздеваться при малознакомой пони.

— Откуда у тебя шрамы? — спросила Лира.

— Ветками исхлестало, пока пыталась учиться летать, — буркнула Скуталу, опускаясь в бадью с пеной.

Лира не поверила. Никакие ветки не оставляют таких ровных следов. Судя по всему, когда-то по пегасенке прогулялись розгами или плетью.

Единорожка уже хотела было задать ещё вопрос, но вдруг осеклась. Ради простого любопытства разбередить старые душевные раны? Она перехватила обеспокоенный взгляд Джерри и промолчала.

Пропахшие сточными водами шорты и футболка улетели в таз для стирки.

Джерри, глядя на всё это с улыбкой, сказал:

— Как же хорошо, когда взрослый, как и положено, больше ребёнка. Я устал уговаривать это рыжее недоразумение всякий раз, когда её надо отмыть от грязи и пыли.

— Не хочу мыться! — громко запротестовала Скуталу из пенной горки, но её никто не слушал.

Единорожка испытывала просто материнские чувства, моя жеребёнка... Или, по крайней мере думала, что подобные чувства — материнские. Скуталу, капризно маша крылышками, забрызгала всё вокруг. Лира чувствовала, что вымокла до нитки, и бывший аккуратным и элегантным костюм окончательно превратился. Дискорд знает во что.

— Джерри, я тоже, наверное, помоюсь, — сказала единорожка, — всё равно промокла.

Мышь, который ходил по грязной одежде в другой бадье, ответил:

— Конечно. Тогда свою одежду тоже давай.

Пони хихикнула и, не прекращая телекинезом удерживать в ванне и мыть Скуталу, стала скидывать насквозь промокший костюм.

Джерри отвернулся. Хотя он и знал, что пони, как и любые другие покрытые шерстью существа, к наготы относятся спокойно, человеческая мораль (лицемерная, по мнению мыша) накладывала свой отпечаток.

Через какое-то время он уже хотел спросить, можно ли поворачиваться, но на голову рухнул мокрый ком, бывший когда-то аккуратным жакетиком Леры, накрыв мыша с головой.

«Что за детский сад!» — сердито подумал Джерри, услышав приглушённый слоями ткани весёлый смех.

Когда он вылез наружу, его взору предстали две пони, довольно хихикающие в бадье. Пена закрывала их обеих по самую шею. После озорной выходки Леры протесты по поводу мытья были волшебным образом забыты.

Впрочем, как всегда. Джерри уже достаточно долго жил под одной крышей с рыжей пегасенкой и знал, что иногда она протестует и капризничает в силу возраста...

...После того, как следы подземелий были смыты, вся троица перекусила какой-то кашей быстрого приготовления — по мнению Лиры, совершенно безвкусной, но набившей живот и заставившей чувство голода отступить.

Вытащенная из ванны и вытертая почти чистым полотенцем Скуталу была похожа на взъерошенного воробья, рыжего и опять сердитого — на этот раз на то, что её, как младшую, ультимативно отправили спать.

Демонстративно надувшись, маленькая кобылка отвернулась к стене и завернулась в одеяло. В планах было изображать обиду, но усталость взяла своё, и несколько минут спустя пегасенка уже тихо сопела, сморенная крепким сном.

Лира и Джерри на правах взрослых сидели за столом... Вернее, это Лира сидела за столом, амыш расхаживал туда-сюда в свете настольной лампы. Единорожка после мытья обмоталась полотенцем, а Джерри щеголял в великоватых шортах кричаще-алой раскраски с небольшим рисунком в виде жёлтой звезды. Когда-то он нашёл их в ворохе кукольной одежды и с тех пор использовал как домашний наряд на случай стирки. Как сейчас.

— Джерри, откуда у Скуталу на самом деле эти шрамы? — спросила Лира.

Мыш покачал головой и сказал:

— Прости, Лира, я обещал ей никому не рассказывать. Скажу лишь, что она пережила то, о чём предпочитает не вспоминать. И я не могу осуждать её за это.

Единорожка вздохнула. До смерти хотелось узнать о прошлом рыжей пегасенки, но расспрашивать дальше означало бы подорвать доверие неразлучной парочки.

— Зачем ты в подземелье ткнул мне в затылок вилкой? — спросила Лира, решив сменить тему.

— Тут всё просто. У любого синтета на шейной части позвоночника есть биочип...

— Волшебная метка! — воскликнула единорожка, вспомнив слова Виктора.

Мыш немного замялся, потом продолжил:

— Э... да. Так вот, метка. По ней тебя можно вычислить на расстоянии и узнать, где ты находишься. И даже что делаешь. Но те из нас, кто в бегах, выводят чип из строя. Направленный электрический заряд от переделанного в отмычку шокера портит электронные

замки и вырубает биочипы синтетов. Теперь для общих сканеров метка не подаёт активного сигнала, делая его... «зелёным», так сказать. Однако индивидуальный сканер сразу выдаст, что ты бегаешь от людей. Это всё называется «перебить метку» или «деактивировать чип». Такое повреждение можно восстановить, но для этого нужен комп с нейроинтерфейсом...

В голосе единорожки слышалось беспокойство:

— Так что же, у меня теперь нет... метки?

— Технически есть. Но неактивная. И без нейропрограмматора заново не заработает... — мыш перехватил непонимающий взгляд пони и вздохнул, — Да, нету метки больше.

Единорожка промолчала. Она испытывала смешанные чувства. С одной стороны, Виктор нечестно поступил, не рассказав, что обозначает метка. С другой, Вик ещё не сделал ничего предосудительного. Не успел?

— погоди, — сказала вдруг единорожка, — Хочешь сказать, что Вик теперь не сможет меня найти?

— Вик — это твой хозяин?

— Мой друг!

Джерри вздохнул.

— Прости, поняша, но твоя метка была синей. Ты сама говорила, что он тебя не освобождал. А значит, ты была его собственностью. Даже если он хорошо с тобой обращался. Полагаю, он недавно тебя купил?

— Купил?!

— Ну да. Синтеты, хотя и являются живыми существами, по закону, фактически, вещи. Или рабы, если угодно. И зелёную метку можно получить только с дозволения хозяина или властей. И зелёной она остаётся, только пока платишь налоги. А если нет — желтеет, что уже основание для твоего задержания. Всё просто.

Ли́ра почувствовала, как в груди снова поднимается чувство неприятия действительности. Быть чьей-то вещью? После слов о дружбе? От подобного обмана хотелось заплакать. Нет. Зарыдать. Кинуться прочь и не останавливаться, пока хватает сил.

Мыш бросил на единорожку сочувствующий взгляд. Её сейчас обуревали сомнения, и мыш не хотел быть тем, кто окончательно подведёт черту под недолгой счастливой жизнью.

«Каждый раз это пытка, — подумал Джерри, — видеть, как рушится чей-то мир, оставляя взамен бездну страха и боли. Можно не замечать этого, но это будет лишь означать, что мы уподобились людям...»

— Лира, возможно, я неправ, и в отношении тебя твоя версия — верная, — сказал он вслух, хотя на душе было гадко от такой откровенной лжи, — Так что не вешай нос. Я ведь и сам доподлинно не знаю.

— Правда? — поникшие было уши пони снова встали торчком.

— Правда, — вздохнул мыш, — Есть такая вероятность.

Брать на себя ответственность за очередную разрушенную надежду Джерри категорически не желал. С другой стороны, совсем наивной её оставлять было ещё опаснее.

Мыш не мог этого знать, но если бы сейчас спросили психопрограммиста БРТО, то он бы сказал, что Лира Хартстрингс только что едва убереглась от сбоя поведенческой программы.

Фатального сбоя, который мог бы закончиться чем угодно.

— Эта злобная Рейнбоу Дэш в «Пони-Плее», она говорила, что Эквестрия, моя родина, вся моя жизнь — это всё искусственная память! — воскликнула Лира и положила мордочку на передние ноги, — Я не могу поверить...

Мыш, вздрогнувший при упоминании Рейнбоу Дэш, натянуто улыбнулся, резко сменив тему:

— Вот ведь! Раньше я нянчился с одним ребёнком, а теперь у меня их двое.

— Я не ребёнок! — надулась Лира, на эмоциях даже не заметившая уловки.

Скуталу во сне пробурчала что-то неразборчивое и дёрнула ушами.

— Угу, — кивнул Джерри, — а ведёшь себя именно как наивный ребёнок. Ты как давно тут?

— Три дня! — гордо заявила единорожка.

— Ну за что мне это, а? — вздохнул мыш, прикрыв лицо ладонью.

Лира была, похоже, на грани отчаяния.

— Джерри, ну хоть ты разъясни, как такое возможно. Я помню целую жизнь, друзей, родителей, и что же, всё это ложь? Если так, то мне несколько дней от роду! Мне, взрослой кобыле! Неужели Эквестрии не существует?

Джерри посмотрел в жёлтые глазищи. Лира спросила про Эквестрию с призрачной надеждой ребёнка, застывшего родителей, подкладывающих подарки под рождественскую ёлку вместо Деда Мороза.

Мыш вздохнул и беспомощно развёл руками:

— Возможно, это так. А возможно и нет. Скуталу верит, что Эквестрия — это рай для таких как вы. И что если быть достойной и хорошей пони — попадёшь туда. Не в этой жизни, так в следующей. Никто не может этого ни доказать, ни опровергнуть. А значит, это вопрос веры. Веры, которую исповедуют Скут и остальные... селестианцы. В этом ей гораздо легче, чем, предположим, мне.

— А ты не веришь в Эквестрию?

— Ха! Я верю в себя и свои способности. Я верю в эту пони, что свернулась калачиком и сопит в стенку. Я верю, что этот мир жестокое и мрачное место, а так же в то, что всегда всё может стать только хуже. А жизнь за пределами бытия? Я этого не видел.

Лира не ответила, продолжая смотреть на мыша. Тот, заметив в золотых глазищах незаданный вопрос, вдруг добавил уже тише и смотря в сторону:

— Но знаешь... если вдруг кто-то там, — он показал вверх, — решит, что старый мыш достоин того, чтобы по-прежнему заботиться о маленьком рыжем ёрзике... я не обижусь, нет.

Лира улыбнулась:

— Маленьком?

Джерри сердито упёр руки в бока:

— Не прикидывайся, ты прекрасно поняла, что я имел в виду!

— Джерри... а сколько тебе лет?

На мордочке мыша вновь появилось выражение много повидавшего существа, так не вяжущееся с мультяшной внешностью.

— Слишком много для мыши, Лира, — сказал он, отведя взгляд, — До недавнего времени я думал, что даже чересчур.

— А что изменилось?

Джерри посмотрел туда, где мирно посапывала спящая Скуталу. Потом на Лиру.

— Мне удалось сделать так, чтобы малышка смогла жить дальше и даже радоваться тем мелочам, что преподносит нам жизнь. Но её пробивает озноб при малейшем упоминании прошлого. Так что пусть старая жизнь там и останется. Так будет лучше для нас обоих.

Лира уже открыла было рот для следующего вопроса, но Джерри сделал резкий жест рукой и сказал:

— И предвосхищая твой вопрос, отвечу — нет, я не хочу рассказывать душещипательную историю своей жизни. Я на ней поставил крест. Точка. После того, что случилось с Томом и остальными, и после того как моя метка перестала существовать.

— Что? Что значит перестала?

— Меня для сканеров вообще нет. Это подозрительно, но если меня не видно, то нет и повода искать. А маленькому мышу спрятаться легко. После побега этим только и жил.

Лира уставилась на Джерри жалобным взглядом.

— Ну вот, теперь я буду вся сгорать от любопытства... Начал рассказывать, так не таи теперь!

Джерри вновь прикрыл глаза рукой в жесте непритворного отчаяния.

— Вот же свалилась на мою голову... Том — это кот из того же мультика, что и я. Нас подарили ребёнку на день рождения, такое часто делают с синтетами. Ну и ребёнок случайно уничтожил мою метку. А Тома вообще замучил.

Глаза единорожки распахнулись ещё шире, и Джерри в очередной раз задался вопросом, как они у пони вообще в черепе помещаются.

— Что значит «замучил»?! — в шоке спросила Лира, и на мордочке Джерри на мгновение отразилась настоящая боль.

Он отвёл глаза.

— Я... не хочу об этом, — проговорил он, — Просто имей в виду, что я потерял того, кого действительно мог назвать другом, несмотря на все наши различия. В сериале он гонялся за мной больше из спортивного интереса, а наши взаимные подковырки и розыгрыши были, наверное, признаком настоящей дружбы. Том никогда не съел бы меня, я уверен. Хотя грозился неоднократно. Но тот мальчик... он перечеркнул всё.

Лира, которая сейчас вспоминала вежливого и доброго ребёнка из парка, слегка стукнула копытцем по столу:

— Нет! Это невозможно! Только не дети...

Мыш с горечью поднял на единорожку взгляд.

— Лира, дети тоже разные бывают, — заметил он.

— Дети не могут быть плохими!

— Верно. Есть плохие взрослые, которые позволяют детям творить ужасные вещи, не объясняя, что это плохо.

— Но как ребёнку вообще может что-то подобное прийти в голову?! — голос Леры надломился. Последняя ниточка веры в то, что мир людей прогнул не насквозь, натянулась и затрещала, — Ты видел ещё когда-нибудь таких же как ты?

— Мало, — отозвался он неохотно, — Знаешь, у нас с Томом есть одна проблема... выживаемость. В нашем стапятидесятилетнем оригинале, — в его голосе послышалась горькая ирония, — любой из нас не раз получал и наковальней по голове, и топором по хвосту, и пулю... А уж сколько раз мы там друг другу подкладываем взрывчатку, не перечать. Сама понимаешь, в жизни всё это не работает. Но многие дети пробуют. Ведь если в мультике с нами после этого всё в порядке, почему и в жизни не должно?

По щекам Леры потекли слёзы. Какую жестокость в людях воспитывают с самого детства... И зачем такое вообще показывать детям? Неужели ради денег? А как потом жить с осознанием того, кого ты воспитал своим творением?

В памяти исподволь всплыл эпизод со страшным шоу про карманных монстров, жестоко бьющихся друг с другом ради дурацких нашивок для хозяев.

Лира сказала:

— Теперь я поняла, откуда в некоторых людях столько злобы, почему их любовь выглядит уродливой пародией!.. Вот же корень этого зла! Недостаток любви и дружбы в детстве, отождествление развлечения и жестокости!

— Любовь выглядит пародией? — спросил мыш, — А, кажется, понял. Познала на себе «любовь» хозяина?

Ли́ра, которая задумалась было о чём-то, встрепенулась:

— На себе?.. Что? Нет! Вик — настоящий друг, он никогда ко мне не приставал! Даже когда я... провоцировала его. Чтобы проверить...

Единорожка вдруг зарделась, не умея подобрать нужных слов. Судя по саркастическому выражению мордочки, Джерри понял неправильно.

— То есть ты не из «Пони-Плея»? — уточнил он.

— Нет... я туда ходила, но без спросу. Чтобы посмотреть...

— И как, посмотрела? — в голосе мыша вновь проскользнули ироничные нотки.

— Я видела пони... Знаешь, у них такой взгляд...

— Или затравленный, или безразличный. Так?

— Да, а откуда ты знаешь?

— Во-первых, я бывал в «Пони-Плее», а во-вторых, большинство синтетов делятся на тех, которых ломают, и тех, которых сломали.

Ли́ра не сдавалась:

— Но ведь ты и Скут под это не попадаете?

— Не попадаем.

— Тогда как?

— Мы есть друг у друга и это позволяет не сломаться... обоим. Поодиночке мы бы давно сдались, а так у неё есть я, а у меня — она. Я меньше ростом, но я взрослый и теперь должен о ней заботиться. А она ребёнок, которому надо хоть кому-то довериться. И я рад, что она не замкнулась в своём горе, а нашла в себе силы открыть сердечко ещё раз.

— Но в «Пони-Плее» таких нет...

— Конечно. Откуда взяться привязанности, если пони там постоянно насилуют и избивают? Заставляют драться друг с дружкой, нередко — насмерть?

— Я там видела человека, который целовался с Эпплджек. В губы, вполне недвусмысленно. И непохоже, чтобы она возражала, даже наоборот.

— А это третий тип... Те, которые приняли навязанные правила и мораль. Те, кто получают удовольствие. И та психованная Рейнбоу Дэш, что дерётся на арене, такая же, хоть никогда и не признается даже себе.

Глядя на Лиру, которую пробрала нервная дрожь, Джерри задумался, что иногда, возможно, следует сбивать градус цинизма. Подобное отношение помогает принимать мир таким, какой он есть, но только когда ты сам одинок. А другим так можно запросто причинить боль.

Лира вдруг сверкнула глазами и сказала резким голосом:

— Но так не должно быть! Надо всё исправить! Попытаться хоть что-то изменить, в конце концов. Почему никто ничего не делает?

Джерри пожал плечами.

— Потому что людям так удобно. И чем быстрее ты это поймёшь, тем легче тебе будет жить в этом мире.

— А ты?

— А что я? Меня слишком часто били по голове, так что я не смог уразуметь простую истину, что заботиться и беспокоиться надо только о себе. Видать, так и помру дураком, — мыш посмотрел на единорожку, — И вообще, нам давно пора последовать примеру Скут и лечь спать. А то завтра нас тот ещё денёк ожидает.

Лира легла рядом со Скуталу, накрывшись вторым одеялом, и практически мгновенно уснула. Очевидно, сегодняшние впечатления вымотали единорожку донельзя. Джерри же улёгся на столе, в раздвижной коробочке из-под канцелярских скрепок, где устроил себе кровать, подобную той, что видел в мультиках со своим участием.

Скуталу, словно почувствовав рядом другую пони, пододвинулась так, чтобы прижаться, а единорожка её обняла, тоже не просыпаясь.

Джерри лежал и смотрел в окно с уцелевшим стеклом, где ночную тьму немного разгоняли звёзды и далёкие огни Гигаполиса. На мгновение скосил глаза на двух пони, что переплелись в трогательный рыже-зелёный комок, и улыбнулся в темноте.

— Дети... — хмыкнул он и закрыл глаза, — Мои маленькие пони...

* * *

— Есть ещё идеи, где могла оказаться Лира? — спросил Виктор, когда они вернулись в машину.

— Надо будет навестить пару заведений и поспрашивать. Сам понимаешь, обычно я не этим занимаюсь. Но знаю, где и у кого спросить. И что за это потребуют.

Серафима завела мотор.

— Кстати, — добавила она, — Раз уж мы об этом заговорили, ты не мог бы оплатить счётчик? Я понимаю, что Зельда просила, и готова помочь, но ты же понимаешь, я на работе...

— О, без проблем, — улыбнулся Вик и полез в карман, — я специально взял с собой наличные.

На свет появилась пачка купюр. Зельда посмотрела на них, потом снова на Виктора.

— Тут гораздо больше, чем счётчик, — сказала она.

— Скажи своему начальству, что тебя наняли на весь день, — ответил парень, — в качестве водителя и гида. В принципе, это даже недалеко от истины.

Серафима усмехнулась:

— Знаешь, за такие деньги ты мог бы купить себе новую пони.

— Мне не нужна новая! — резко отрезал Виктор, вкладывая деньги в руку девушки, — Мне нужна Лира! Она мой друг, и другой мне не надо.

Он отвернулся и откинулся в кресле, скрестив руки на груди. Серафима будто чувствовала, насколько парня довели постоянные (наверняка же постоянные!) подковырки и дурацкие советы насчёт его пони...

...Транспортный контур «тау» стоял. Оказавшись в потоке, колёсные машины не могли никуда деться, и затор растянулся на многие километры. Как передали по Сети, на дороге столкнулись

два грузовика, и целых шесть полос движения из двенадцати оказались перекрыты.

Вика раздражало это стояние. Серафима объяснила, что такие вот «пробки» — явление древнее и почти традиционное для городов прошлого. Да, дороги Гигаполиса — это сотни километров отличного полотна, удобных перекрёстков и развязок. Дорожные службы работают как часы благодаря автоматизации, а информационная сеть позволяет организовывать движение так, чтобы доставлять грузы и пассажиров с минимальными затратами. Простой транспорта — это всегда убытки, а такое плохо сказывается на бизнесе. А бизнес правит современной цивилизацией.

— ...но иногда что-нибудь вносит погрешность, — завершила речь Серафима, — Так что единственное, что мы можем сделать — набраться терпения и ждать, пока сможем доехать во-он до той развязки.

Виктор посмотрел, куда она показывала, и увидел съезд с магистрали. До него было относительно недалеко, но машина двигалась по несколько метров в минуту, и поездка грозила затянуться на пару часов.

— Да, никогда бы не подумал, что такое ещё возможно, — сказал парень, — Когда летаешь на флаере, об этом даже не вспоминаешь.

Серафима фыркнула.

— Флаеры, да... Всегда мечтала иметь флаер, но в Сером городе его некуда деть, а в Белом мне не по карману жить. Собственно, мне не по карману и сам флаер.

— Возьми ссуду, — посоветовал Виктор, но девушка только рассмеялась:

— Ссуду! Кто же мне даст столько? К тому же, чтобы перезарядить антигравы, мне понадобится взять ещё одну.

— Интересно, — решил сменить тему Виктор, — А если в этой вот «пробке» кому-то станет плохо? Или банально захочется... в туалет, например?

Серафима снова захихикала.

— Спасательные службы могут и прилететь, — ответила она, — а насчёт второго... Ты не захочешь узнать ответ.

— Через часик-другой очень даже захочу! — чуть натянуто рассмеялся Вик, — Скажи, а куда ведёт та развязка?

— Вообще, в Руинберг. Но не волнуйся, мы его быстро проедем. Всяко лучше, чем стоять в пробке часов восемь.

— Сколько?!

Тонкая рука постучала по экранчику навигационной панели. Вик обратил внимание, что ногти Серафима стрижёт и совсем не красит. Все остальные знакомые девушки старались хотя бы немного их отрастить и чем-то украсить, но Серафима этим почему-то пренебрегала.

— Смотри сюда. Видишь, вот контур, а вот мы. Вся дорога обозначена красным, значит, это пробка. До следующего съезда — километров тридцать. Стало быть, с такой скоростью движения затора мы прокукуем тут часов восемь — если, конечно, хозяева аварийных грузовиков не соизволят спасти свои грузы. Так что съехать в Руинберг мне кажется не такой уж плохой мыслью.

— А это далеко от места, куда мы ехали?

— По прямой не очень. Если по улицам... как свезёт. Не бойся.

— Что вообще за район этот Руинберг? — спросил Виктор, — И почему я должен бояться?

В карих глазах промелькнула озорная искорка.

— Увидишь, парень из Белого города, — сказала девушка изменившимся голосом, — Не хочу портить тебе впечатление...

...Пробка продержала машину на магистрали ещё час. Виктор и Серафима развлекались тем, что травили байки из собственной жизни, и оба с удивлением осознали, что до сих пор жили в совершенно разных мирах.

То, что для Виктора являлось повседневным и естественным, для Серафимы было научной фантастикой. Роботы, флаеры, искусственный интеллект и виртуалка — всё это для жителя Серого города было чудесами технологии будущего, едва ли не большими, чем для синтета-пони из сказочного мира.

Виктор же диву давался, что Серый город, по сути, во многих районах представлял собой латанные-перелатанные постройки вековой, а то и большей, давности. Но что самое удивительное — люди в Сером городе жили примерно так же, как и в век постройки их районов, перебиваясь «технологическими объедками» Белого города.

Топливные ячейки и микрореакторы вполне могли соседствовать с двигателями внутреннего сгорания, нановолокна — с обычной грубой тканью, а синтезированная из натуральных образцов пища — с химической отравой, полнящейся консервантами и вкусовыми добавками.

Примеров было множество, но всё это накладывало отпечаток и на жителей.

А некоторым рассказам Серафимы Виктор попросту не поверил. По крайней мере, до того, как машина спустилась по развязке в район под порядковым номером триста два, более известный среди аборигенов под названием Руинберг.

Создавалось впечатление, что машина, спустившись с напроочь забитой магистрали, оказалась в каком-то захолустье двадцатого века.

Обветшалые здания из кирпича и бетона глядели на улицу грязными стёклами или вообще пустыми проёмами. Окна с решётками, а то и просто заколоченные досками, были обычным делом. По обочинам дорог громоздились и гонялись ветром кучи мусора.

Если бы Виктора попросили охарактеризовать одним словом этот район, то это было бы «обветшание». Старые машины, старые здания, ржавые и искрящие коммуникации. И это рядом с транспортным контуром! К слову, Вик подумал, что несмотря на пробку, сюда с магистрали практически никто не решился съезжать.

Серафима медленно вела машину по запущенной дороге, короткими ругательствами сопровождая каждую попавшую под колесо колдобину.

Но местных жителей, казалось, совершенно не волнуют окружающие условия. Повсюду можно было наблюдать самый обычный быт, если, конечно, отбросить мысль об ужасающей нищете.

Вик расширившимися глазами смотрел, как две женщины натягивают между окнами соседних домов бечёвку и начинают развешивать бельё, словно и не существует такого понятия как «сушилка». Как чумазые дети играют в песочнице, и помимо песка в игре участвует многочисленный попавшийся под руку мусор. Вон относительно прилично одетый человек с кейсом остановился возле парня в коже и джинсе и о чём-то возбуждённо с ним беседует...

Подумалось, что здесь очень к месту пришлась бы к какая-нибудь банда верхом на мотоциклах или грузовиках, палящая во все стороны из старинных пистолетов или ружей. Но вместо этого на глаза попала бело-синяя машина полиции, что стояла на углу и мерцала огнями.

А два полисмена из этой машины стояли неподалёку и молотили шоковыми дубинками обросшего человека в рваной и грязной одежде. Невдалеке лежала потёртая гитара и футляр, деньги из которого как раз выгребал какой-то оборванный мальчишка.

Полицейские здесь тоже не походили на тех спокойных, вежливых офицеров в отутюженной форме, что следили за порядком в Белом городе. Место мундиров занимала лёгкая броня. Из-под шлемов с глухим забралом доносились грубые ругательства.

— Что это они делают? — удивился Виктор.

Серафима скосила глаза и ответила:

— Скорее всего, этот бродяга просто не успел спрятаться. Пытался заработать пару монет, но попался патрулю.

— Да что же это!

— Добро пожаловать на землю, небожитель.

— Остановись!

Едва Виктор это произнёс, как Серафима, наоборот, прибавила газу. Картина произвола скрылась за поворотом.

— Ты что делаешь?!

— Послушай меня, — серьёзным голосом сказала девушка, — Мы не будем останавливаться в Руинберге, понятно? И мы — особенно ты — не будем выходить здесь без крайней на то необходимости. Это очень опасно, а уж тем более если провоцировать полицию, которая здесь на короткой ноге с бандами. Тот бродяга, скорее всего, не заплатил смотрящему за районом, вот тот и стукнул легавым, что можно кого-то задержать. Для палочки, что называется.

— Есть же закон! — возмутился Виктор, хотя сердцем прекрасно понимал, насколько детским сейчас выглядит его возмущение.

— С точки зрения закона, полиция в своём праве. Уличный артист без лицензии? Задержание. Попытку вырваться или убежать пресекли. Всё законно. Бродяга отправляется в камеру, потом, возможно, в соцслужбу, где ему найдут занятие. То что с ним при этом поступили жёстко, никого не волнует, и полицию в особенности.

— Но я мог бы...

— Не мог бы, — перебила Серафима, — То, что у тебя зелёная карта гражданина, ещё не обеспечивает тебе безопасности. И ты ничего не можешь с этим поделать. И если ты попадёшь в тюрьму за сопротивление полиции, у твоей Лиры будет совсем немного шансов вернуться домой.

Виктор осёкся.

Это было неправильно. Конечно, жители Белого города были в курсе, что за пределами центральных районов, вдали от высоких стен и строгих охранников, жизнь далеко не так комфортна. Но кого и когда волновали чужие проблемы в обществе, веками пестовавшем

идеалы потребления?

Если у тебя нет денег, то ты сам виноват. Это — прописная истина, которую люди на протяжении почти трехсот лет впитывали с молоком матери.

А те, кто считал иначе — отправились на свалку истории.

— Я не могу поверить, — сказал Виктор, наконец, — что Лира сбежала куда-то сюда... Зачем?

— Может быть, захотела посмотреть на реальный мир?

— С ней же здесь может всё что угодно случиться!

— Как и с любым другим живым существом. Будем надеяться, она встретила если не друга, то хотя бы того, кто о ней сможет позаботиться.

Парень вздохнул.

— Она ведь совсем не знает нашего мира... — тихо промолвил он, чувствуя, что сейчас просто позорнейшим образом поддастся чувствам на глазах у девушки, — Эту его часть, по крайней мере.

Из раздумий Виктора вырвал сигнал от коммуникатора. «Стивен Агилар» — зажглась в воздухе строчка.

Парень тронул сенсор активации, чувствуя, как сердце переполняется радостью и надеждой.

Лира нашлась. Вот сейчас Стивен скажет, где её подобрать, и всё будет хорошо. Как раньше. Спокойно и безопасно.

— Да, Стив? — сказал Вик, когда над коммуникатором соткалась голограмма знакомого лица, — Пожалуйста, скажи, что ты нашёл Лиру!..

— Твайлайт нашла, — ответил Агилар, — целых два подходящих упоминания. Первое о том, что её засёк полицейский патруль в районе Пирамид. Подпадающая под описание Леры Хартстрингс пони-синтет с перебитым чипом.

— С ней всё в порядке?

— Она скрылась от патруля в сопровождении ещё одной пони. Судя по описанию, Скуталу.

Это было непонятно. Причём тут рыжая пегасенка, Виктор даже представить не мог. Но раз они были вместе, очевидно, что-то их заставило, какие-то обстоятельства... Это могло бы стать зацепкой, но в «Маяке» не было ни одной Скуталу.

— Есть второе упоминание Лиры, и тоже недалеко от Пирамид, — сказал Стивен, — но предупреждаю, это нелегко принять. К сожалению, там не дают информации о синтетах нечеловеческого вида. Так вот, там есть полтора десятка пони, включая Лиру Харстрингс...

— Почему нелегко? — спросил Виктор.

— Потому что это бордель. Называется «Полёт Фантазии». Специализируется на синтетах нечеловеческого вида. Так вот, там есть полтора десятка пони, включая Лиру Харстрингс...

Вик прикрыл глаза и беспомощно откинулся на сиденье.

Это была катастрофа.

Лира, это доверчивое и наивное создание, наверняка попалась в лапы работоторговцев. И те, не мудрствуя лукаво, отправили пони в самое мерзкое, самое ужасное место, которое только можно придумать.

«Что за живодёры!» — в отчаянии подумал парень, чувствуя, как глаза характерно защипало.

— Мы недалеко, — вмешалась Серафима, — Спасибо, Стивен.

— Не за что пока. Если будут ещё новости, я позвоню. Виктор, держись. По крайней мере, Лира жива. За такой короткий срок с ней всё ещё может быть в порядке.

Экран погас, а такси Серафимы прибавило скорость...

...В Пирамидах, четырёх огромных жилых комплексах, проживало около миллиона человек. И, конечно же, у всех них были свои потребности. Поэтому совершенно естественно, что рядом были возведены торговые и развлекательные центры, транспортные узлы, школы и детские сады, госпитали и прочие блага цивилизации по доступным и не очень ценам.

Пирамиды по праву считались районом среднего достатка, и для кого-то вроде Серафимы — почти такой же недостижимой мечтой, как и Белый город. Тем не менее, потёртая укреплённая машинка была пропущена охраной без проблем. Лицензия компании, где работала таксист ван Виссер, была в порядке, а на машину все документы были оформлены правильно.

Виктор немного успокоился, когда оказался в более-менее привычной обстановке. Да, здесь

тоже преобладал колёсный транспорт и тусклые краски, но встречались и роботы, и даже синтеты, спешащие по своим делам. А может и слоняющиеся без дела.

К слову, на синтетов здесь почему-то никто не обращал особенного внимания. Виктор с удивлением заметил пиццерию «У Микеланджело», где за прилавком стояла зелёная черепаха богатырских пропорций, характерных скорее для человека, в белом фартуке и поварском колпаке.

Но судя по набитому залу, готовил этот Микеланджело отлично. И то, что он черепаха, также никого не волновало.

— К самому заведению не будем подъезжать, — сказала Серафима, паркуя машину, — Выйдем тут.

— Почему не будем?

— Там стоянка платная наверняка. А здесь, у торгового центра, мало того что бесплатная, так ещё и под наблюдением.

— Резонно, — отметил Вик.

— Подожди меня пару минут, — попросила Серафима, вылезая и включая в машине охранную систему, — Вон там, на углу. Окей?

— Без проблем, — отозвался парень.

Серафима улыбнулась и шмыгнула в какую-то забегаловку.

Виктор проводил её взглядом. До слуха донёсся чей-то разговор:

— ...но твой IQ равен почти трёмстам! И ты работаешь разносчиком пиццы?

Вик повернулся в ту сторону и увидел мальчика лет одиннадцати, одетого в джинсы и кричаще-малиновую футболку. Поверх была накинута курточка с портретом владельца пиццерии «У Микеланджело», улыбающегося и показывающего большой палец. Мальчик как раз устанавливал на скутер стопку коробок с пиццей. Великоватый футбольный шлем съехал на глаза, и паренёк, вздохнув, вернул его на место.

Собеседником мальчика был синий антропоморфный ёж примерно метрового роста, в синем же комбинезоне курьерской службы. Синтет, очевидно. Большеглазый и мультяшный, тоже персонаж шоу. Правда, сейчас через его плечо висела здоровенная сумка.

— Мне ещё повезло. А тебя удивляет, что в этом мире синтез с моим складом ума работает на подхвате, а человек, который даже не может, образно выражаясь, самостоятельно потеряться, занимает ведущую должность в мегакорпорации? — вопросом ответил мальчик своему визави и беззаботно улыбнулся.

Ёж развёл руками в белых перчатках:

— Ты прав, Кин. Это мир людей... И знаешь, я иногда скучаю по родному Мёбиусу.

— У тебя хотя бы есть вера в свой, лучший мир, — ответил мальчишка и уселся на скутер, — а нам остаётся только пытаться изменить этот.

— Но что мы можем?

— Что можем? Быть лучше. Иначе никакие чудеса техники нас не спасут. Мощнейшие компьютеры занимаются генерацией удовольствий в киберсети, которая должна была дать миру свободу информации. Космическая программа стала способом выбивать деньги для телекоммуникационных компаний. Роботы обслуживают богачей и делают других роботов. Блага — для избранных, для остальных — выживание. Ты и сам всё это знаешь, друг.

Виктор поразился, насколько по-взрослому звучала речь мальчика. В голову закралась мысль, что тот на самом деле куда старше, чем выглядит. Что было, в общем-то, объяснимо. Тот же Эш, бессменный ведущий шоу «Арена покемонов», а также его многочисленные копии, просто не был запрограммирован взрослеть. Например, теперешнему Эшу было лет сорок. Выглядел же он на прежние одиннадцать.

— Бывай, Соник, — тем временем улыбнулся Кин, — Мне пора ехать, а то пицца остынет, и Майки мне голову оторвёт.

— Удачи, командор, — ёж пожал на прощание руку приятеля, — Увидимся в субботу?

— Как обычно.

Скутер плавно двинулся с места и пропал в транспортном потоке. Синий ёж тоже быстро затерялся в толпе.

— А вот и я, — вынырнула из толпы Серафима, сжимая в руках пакет, — как насчёт немного перекусить на ходу?

Виктор уже хотел возразить, но живот издал отчётливое бурчание, будто только сейчас добрались до мозга ароматы сразу нескольких закусовых неподалёку.

Они двинулись вдоль по улице, вгрызаясь в какие-то рулеты из плотного хлеба, полные пропечённого фарша, овощей, лука и кетчупа.

Вик не мог не признать, что девушка отлично придумала. Сидеть в кафе, когда Лире, возможно, прямо сейчас требуется помощь, было бы просто преступно легкомысленно. А так два дела сразу.

— Иногда так и питаешься весь день, — заметила Серафима, словно прочитав мысли парня, — потому что некогда. Туда-сюда по всему городу, а диспетчер всё сыплет и сыплет заказами...

...Здание «Полёта Фантазии» было подсвечено красным. Традиционно, хотя и несколько вызывающе даже для коммерческого квартала Серого города.

— Если не хочешь, можешь не заходить, — потупился Виктор, посмотрев на Серафиму.

— Ещё чего! — фыркнула та, — Ты же вляпаешься во что-нибудь моментально. И вообще, давай лучше я буду говорить.

Виктор хотел было возразить, но осёкся. Его опыт посещения подобных заведений ограничивался киберпространством, причём тоже, можно сказать, в Белом городе. Виртуальном.

— Ну... хорошо, — согласился он.

Внутри посетителей встретил метрдотель. Судя по всему, человек, хотя подобострастно раскланялся с претензией на ретро-элитарность.

Серафима вдруг прильнула к Виктору и проворковала совершенно медовым голоском:

— Мы с приятелем — фанаты старых сериалов, и хотели бы развлечься кое с кем особенным.

— Конечно, конечно, — заулыбался метрдотель, — сейчас принесу наш каталог. Или желаете посмотреть вживую? Прощу прощения, многие синтеты спят. Сами понимаете, день... Но разбудить — не проблема.

На его лице играла плохо скрываемая торжествующая улыбка. Нестандартный клиент — это всегда нестандартная оплата. Иногда даже настолько, что окупает покупку нового синтета взамен испорченного.

— Вживую пока рано, — сказала Серафима, — не надо никого будить раньше времени. Если мы вдвоём, ничего?

— О, не волнуйтесь. Сбор за групповой сеанс совсем небольшой, — снова раскланялся служащий, — Прошу, подождите вот здесь, на диване.

Когда они остались одни, Виктор спросил:

— Ты что затеяла?

— Мы же хотим поговорить с твоей пони, верно? Пусть думают, что мы закажем групповушку, а потом выкупим понравившегося синтета. Всё просто.

— Но они же будут считать нас извращенцами!

Серафима всплеснула руками.

— А как вообще называть людей, которые ходят в подобные заведения? Вик, ты иногда ведёшь себя просто как ребёнок! И помни, нет в Гигаполисе такого извращения, которое не могло бы стать модой и источником прибыли...

— Так-таки и никакого?

— Представь. Я слышала о заведении, где синтетов ради развлечения сжигают заживо.

Виктора передёрнуло.

— Пони? — спросил он.

— Причём тут пони? Любых синтетов, в основном неотличимых от людей. Как правило, биологически не старше четырнадцати...

Дальнейший спор прервало появление управляющего, который принёс планшет с загруженными файлами предлагаемого живого товара.

Вик тут же впился взглядом в экран и двинулся к категории «Персонажи мультфильмов».

После недолгих поисков он и впрямь нашёл в подкатегории «Мои маленькие пони» пункт «Лира Хартстрингс, единорожка» и без раздумий ткнул в него.

— Вот эта, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— И мы вдвоём, — добавила Серафима, — но я люблю смотреть.

— Распоряжения уже отданы, — заулыбался служащий, тронув несколько сенсоров на браслете, — Могу я взглянуть на вашу карточку?..

...Их проводили по приятно обставленному коридору. Всё здесь пестрело оттенками алого, кое-где колыхались в воздухе миражи голограмм. Бордель по меркам Серого города был довольно богатый, раз мог позволить себе и профессионального дизайнера, и голографические проекторы. Да что там, содержать целый штат синтетов — это уже было довольно затратно.

Комната, изрядную часть которой занимала огромная кровать, встретила людей тихим перебором струн и приглушённым светом. На столе лежала на подставке ароматическая палочка, слабо курящаяся и распространяющая сладковатый запах трав...

Сердце Виктора дрогнуло.

Единорожка лежала на кровати, и в сиянии телекинеза парила лира, струны которой перебирали призрачные руки.

— Прошу прощения, — произнесла она знакомым голосом, и сердце Виктора забилось ещё чаще, — я немного увлеклась. Желаете сменить обстановку?

Инструмент смолк и лёг на прикроватную тумбу.

— Нет, спасибо, — хрипло ответил Виктор и сделал неуверенный шаг к кровати.

— Тебе помочь? — спросила Серафима, но парень замотал головой.

Он подошёл вплотную, и пони подняла взгляд навстречу. Сердце облилось кровью при виде знакомой мятно-зелёной мордочки, погребённой под слоем вызывающе яркой косметики. Помада, подведённые глаза, какой-то блеск для шёрстки...

На единорожке была полупрозрачная сорочка и просвечивающее тёмное бельё с кружевами. Ну и конечно, неизменный фетиш любителей пони — высокие носочки. Только не из стандартного набора от «Хасбро», а в тон белья и тоже почти прозрачные.

— Лира? Это правда ты? — спросил Виктор.

— Я Лира, да, — кивнула единорожка, — А как тебя зовут?

Парень вздохнул и сел на край кровати. Его пронзило горькое понимание ошибки.

— Меня зовут Виктор. А это Серафима. Ты... наверное, другая Лира.

Пони заулыбалась.

— Я буду такой Лирой, какой захочешь. Хочешь фоновую пони в толстовочке? Или бесстрашную агента Мятную? Дай мне пару минут, и я преобразусь. Как вести себя в образе, знаю. Ты совсем не заметишь разницы.

Подала голос Серафима, устроившаяся в кресле:

— Вик, ей могли мозги промыть. Лира, ты помнишь, как здесь оказалась?

Пони, повидавшая и не таких клиентов, повернулась к девушке и пожала плечами.

— Так же как и большинство остальных, — сказала она, — Нас купили и объяснили что делать. Сначала было непривычно, потом втянулись.

— И никто не пытался бежать? — спросил Вик.

Пони привстала и легла так, чтобы видеть обоих людей сразу.

— Были дурёхи, но их всегда ловили.

— А ты нет?

— А зачем? Здесь меня кормят, поят и развлекают, — пони кокетливо похлопала ресницами, — Это не самая плохая работа, я пользуюсь спросом. Наверное, людям нравится, когда меня так возбуждают руки и пальцы. Хотите, что-нибудь примем перед тем, как начнём? Что предпочитаете, возбуждающее, или что-нибудь для яркости ощущений?

Виктору вдруг вспомнилось, как в первый день Лира дёрнула хвостом в ванной от прикосновения рук к спине. Стало неловко от собственного порыва помыть поняшу руками, а не щёткой.

— Нет, спасибо, — упавшим голосом проговорил парень, — но мы правда искали конкретную Лиру Харстрингс.

— Не пойму, чем я хуже, — сказала единорожка, — И, кстати, мне не промывали мозги. Если хотите, могу паспорт показать.

— Можешь просто сказать версию твоей программы? — спросила Серафима.

Виктор вздрогнул, но пони не обиделась.

— Стандарт, два-один-один, — ответила она, — Я не верю в волшебную страну пони, если вы это имеете в виду. Но могу в это поиграть, если хотите — мультик видела. Мне восемь фактических и двадцать шесть биологических лет. Чип синий, медосмотр буквально на прошлой неделе был. Все документы у управляющего, жалоб нет... Вы из инспекции, да?

— Скорее, из благотворительного фонда, — сказала Серафима раньше, чем Виктор успел ответить, — Ты нас раскусила.

Единорожка довольно захихикала:

— Восторженные юноши и девушки, пытающиеся изменить этот мир, как трогательно! Но спасибо. Я польщена, правда.

— А ты не хотела бы изменить мир? — спросил Виктор.

Лира улыбнулась. Совсем как пропавшая, снова заставив сердце парня сжаться.

— А зачем? — спросила она, — Тут и вправду неплохо. А вы, люди, мне даже симпатичны. И я уверена в завтрашнем дне... Чего ради это менять? Ради свободы? Что мне делать с ней в этом мире? В Эквестрию я не верю, и кто я буду за пределами этих стен? Карликовая говорящая лошадь экзотической раскраски? Спасибо большое, обойдусь...

Виктор резко встал и пошёл к дверям. Ему больше не хотелось ни минуты быть в этом заведении. Казалось, сами стены уставились на него, а узоры на обоях — смеются над чувствами и идеалами.

— Эй, не переживай так, — снова подала голос пони, — всё нормально, правда. Я желаю тебе найти твою Лиру... и знаешь, я ей немного завидую. Чтобы какой человек ради меня бегал по борделям в поисках...

— Мы пойдём, — сказала Серафима, тоже вставая, — спасибо тебе.

— Да за что же? — удивилась пони, потом вдруг добавила: — Подождите.

На единорожку устремились сразу два вопросительных взгляда.

— Вы уже оплатили час, — заметила та, — Даже обидно, что вы просто так уходите...

Виктор вздохнул.

— Нам совсем не нужно... — начал он, но пони перебила:

— Это я уже поняла. Но мне... — она опустила взгляд, — могут выговор вкатить, если клиенты раньше ушли.

Виктору совсем не понравилось, как это прозвучало. Серафима же отметила, что единорожка серьёзно боится последствий, и не хотелось подставлять пони просто ради сорока минут времени.

— Может, тогда ты слышала что-нибудь о такой же единорожке как ты? — спросила девушка.

Лира покачала головой:

— К сожалению, информацией я тоже не помогу, так как из здания почти не выхожу. Разве что поразвlecься в бар отпускают или ещё куда. Но вы мне понравились...

— А ты можешь доиграть ту мелодию? — вдруг спросил Виктор, оглянувшись, — Лира... моя Лира, я имею в виду, тоже красиво играла.

Пони улыбнулась и кивнула. Рог засветился, и сделанный «Хасбро» специально для этой пони инструмент вновь взлетел в воздух, окружённый кинетическим полем. Призрачные руки коснулись струн, и комнату наполнила тихая, спокойная мелодия.

Виктор сел рядом с Серафимой. Их руки невольно нашли друг друга.

Лира Хартстрингс, закрыв глаза, играла. Мелодия отличалась от той, что слышал в «Маяке» Виктор. За неспешным перебором струн угадывался уже не восторг недавно открывшей новый мир исследовательницы, но грусть жизненного опыта. Музыка будто вселяла надежду на что-то большее, глубокое, что кажется вот-вот обретёт форму и предстанет во всей красе... Но нет, в последний момент образ ускользал, но продолжал звать, манить, и не отступаться...

Виктор, слушая музыку, бросил взгляд на мордочку пони. И увидел, как маска довольной и сытой рабыни слетела, уступив место истине.

Переглянувшись с Серафимой, он увидел, что и та всё прекрасно поняла.

Эта Лира явно кривила душой. И впрямь, какое психически нормальное существо будет довольно, служа секс-игрушкой для тех, кто приходит и платит за свою похоть деньги? Наверняка у неё случались клиенты, от которых воротило, или которые делали больно...

И немногочисленных радостей от клиентов и хозяев было явно недостаточно, чтобы залечить все наносимые душевные раны. К тому же, вряд ли у неё много друзей здесь, в заведении. Только товарищи по несчастью, такие же забитые пленницы.

И, не зная другой жизни, она конечно же боится того, что может изменить хоть и не слишком радостный, но привычный порядок вещей. И раз за разом убеждает саму себя, что счастлива.

Выйдя из заведения, Вик и Серафима молча добрели до машины. Каждый думал о своём.

Виктор оставил поняше телефон Стивена со словами «Если вдруг передумаешь, позвони туда. Там смогут помочь».

Это было всё, что можно было сделать, хотя на душе было мерзко и от увиденного, и от собственного бессилия что-либо изменить.

<http://tl.rulate.ru/book/82033/2552549>